

УДК 111

ДЕЛЕЗ И ГВАТТАРИ КАК АРХИВАРИУСЫ ЛОГИКИ КАПИТАЛИЗМА*

© Е. И. Наумова

Наумова Екатерина Игоревна
кандидат философских наук
ассистент кафедры
онтологии и теории познания
Санкт-Петербургский
государственный университет
Институт философии
e-mail: aumova11@inbox.ru

Анализ концепции капитализма Делеза и Гваттари через проблематизацию понятия долга позволяет представить французскую постструктуралистскую традицию как источник формирования новой теории происхождения капитализма, деконструирующей «миф о меновой торговле». Проблематика долга открывает возможность для аналитики современных проблем развития капитализма.

Ключевые слова: долг, шизоанализ, капитализм, Гребер, Делез, Гваттари.

Делез и Гваттари мыслятся нами как архивариусы логики капитализма именно потому, что, не пытаясь предложить метанарратив о капитализме, они открывают возможность для исследователя ознакомиться с их архивом или картографией данного явления и использовать/применить их по-своему. Концепция капитализма Делёза и Гваттари, представленная в работах «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» и «Тысяча плато», является базовой для формирования альтернативной позиции в отношении устоявшейся в гуманитарной традиции теории происхождения и развития капитализма. Наш тезис состоит в том, что философия капитализма Делёза и Гваттари легла в основу формирования

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Философская историография во французской философии второй половины XX века», № 15-33-01013, 2015-2017.

идеи о том, что развитие капиталистической системы в первую очередь связано с проблематикой долга, а не с феноменом обмена. Так, Делёз и Гваттари, с опорой на труды Ницше и Марселя Мосса, создают предпосылки для формирования концепции развития общества, которая отличается от теории общественных отношений, предложенной Адамом Смитом и развитой его либеральными/неолиберальными последователями. Очевидно, что положение Адама Смита о естественной склонности человека к обмену ради взаимной выгоды, которая со временем обретает монетарное измерение, является достаточно устоявшимся и общепринятым объяснением в вопросе о происхождении денег и истоках капитализма. При этом очевидно, что подобный подход упускает из поля зрения проблематику долга, которая, как мы полагаем, может послужить формированию нового взгляда на природу происхождения капитализма.

Делёз и Гваттари выдвигают мысль о том, что капитализм является результатом развития всемирной истории, рассмотренный через призму трансформации долга, от человеческих экономик, когда типы родства функционируют как экономика долга, к денежным экономикам, когда долг получает числовой эквивалент и становится бесконечным. Именно идея бесконечного долга, который воплощает в себе суть капитализма, раскрыта в философии Делёза и Гваттари через взаимосвязь капитализма и шизофрении как его внешнего предела, который оказывается недостижим. Капитализм, не достигая своего внешнего предела — шизофрении, воспроизводит и преодолевает свои внутренние пределы благодаря процессу самовозрастания капитала, который выражается в накоплении бесконечного долга, что и обеспечивает вечный характер существования капитализма.

Важным является положением о том, что если мы мыслим капитализм как экономику долга, то концепция кризисного развития капитализма также претерпевает изменение. Через оптику долга развитие капитализма начинает мыслиться линейно, как устремленная в бесконечность линия, или как постоянно отодвигаемый собственный предел/крах. Это означает, что идея цикличности развития капитализма через ситуацию кризиса дополняется идеей бесконечного долга, что расширяет оптику рассмотрения данного феномена.

Так, историография буржуазной мысли, представленная в работе «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения», дает возможность написать новую историю капитализма, которая одновременно является и философией, не подчиняющейся линейной и универсалистской телеологии классического исторического повествования. Намеченная в трудах Делеза и Гваттари картография капитализма со всеми ее ризоматическими, сингулярными, трансверсальными особенностями как нельзя лучше воплощает в себе логику развития современного капитализма, который в какой-то мере достиг своего шизофренического предела, но так и не обнаружил в нем своего конца. Историография капиталистической мысли, предложенная философами, позволяет найти выход и из этого парадокса. Долг как внутренний предел развития капитализма, который им постоянно преодолевается, не позволяет состояться коллапсу капиталистической системы. Долг является своеобразным буфером между капитализмом и шизофренией, позволяющим системе продолжать свое существование. Архивариусы Делез и Гваттари создали такую картографию логики капитализма, где случайным

образом затерялась идея долга, которая в условиях современности оказалась подходящим ключом для нового открытия архива мыслителей и послужила актуализации их учения в качестве отправной точки для формирования альтернативной истории капитализма.

В контексте современной ситуации долгового кризиса капитализма и в связи с попытками небольшого числа теоретиков осмыслить проблематику долга французская философия получает новую жизнь и теоретическое применение. Наиболее актуальным направлением развития западной критической мысли в отношении текущих тенденций развития общества, культуры и экономики является необходимость развеять «миф о меновой торговле», который справедливо определяется как «основополагающий миф нашей сегодняшней цивилизации»¹. На смену ему приходит идея долга как основная для анализа истоков формирования общественных отношений, которая позволяет по-новому взглянуть на долговой коллапс, в рамках которого развиваются капиталистические отношения сегодня. Одной из важных последних книг по проблеме долга является работа английского антрополога Д. Гребера «Долг: первые 5000 лет истории»², где производится развенчание «мифа о меновой торговле» как истоке зарождения капитализма. Общеизвестно, что А. Смитт как представитель английской экономической традиции разработал концепцию свободной торговли и естественной склонности человека к обмену и торговле. По утверждению Гребера, теория А. Смита осуществляет его стремление «создать утопическую картину, в которой все могут просто и честно торговать друг с другом, стремясь к максимальной выгоде, а затем разойтись, не оставшись никому должными»³. Как отмечает Гребер, его труд был инспирирован концепцией долга М. Мосса, разработанной в «Эссе о даре»⁴, которая в свое время не была замечена и до сих пор не принимается во внимание экономистами и представителями гуманитарных наук для анализа актуальных экономических и культурных тенденций. На наш взгляд, Гребер является мыслителем, который развивает и внедряет в научный дискурс «непопулярное» объяснение истоков зарождения капитализма с опорой на французскую структуралистскую и постструктуралистскую мысль. Представляется очевидным, что теория долга Гребера складывалась не только под влиянием М. Мосса, а в принципе обусловлена определенным трендом в развитии французской философской мысли, который остается не актуализированным по настоящий момент. Так, например, в учении К. Леви-Стросса⁵ наблюдается раскрытие проблематики долга в отношении взаимосвязи структур родства и экономической системы

¹ Гребер Д. Долг: первые 5000 лет в истории. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 405.

² См: Наумова Е. И. Дэвид Грэбер и списание долгов. URL: <https://avtonom.org/pages/recenziya-ekateriny-naumovoy-na-knigu-devida-grebera-debt-first-5000-years> (дата обращения: 05.10.2015).

³ Гребер Д. Указ. соч. С. 409.

⁴ Мосс М. Очерк о даре. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с франц., послесловие и комментарии А. Б. Гофмана. М. : «Восточная литература» РАН, 1996. С. 8–222.

⁵ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Эксмо-пресс, 2001.

общества. В философии Делеза и Гваттари обнаруживается анализ проблемы долга в связи со сменой политико-экономических формаций и формированием института семьи и системы наследования. В теории Бодрийера⁶ проблематика долга раскрывается в связи с процессами глобализации и экспансии финансового капитала. В этом отношении французская структуралистская и постструктуралистская традиции могут быть рассмотрены в качестве теоретического основания для формирования альтернативной философской теории осмысления истоков развития капитализма в связи с разработкой проблемы долга. Анализ трансформации идеи долга на протяжении истории открывает возможность раскрыть новые источники формирования капиталистической системы отношений, связанной с институтом рабства, системой государственного налогообложения, монетизацией долга и в целом с феноменом насилия.

В предложенной статье нам бы хотелось более подробно остановиться на анализе проблемы долга, в философии Ж. Делеза и Ф. Гваттари, так как в учении этих мыслителей находит разработку идея о том, что трансформация способа функционирования долга лежит в основании зарождения капитализма. Необходимо отметить, что данная особенность развития капитализма нашла осмысление в труде французского экономиста Т. Пикетти «Капитал в XXI веке»⁸, который вышел в свет в 2013 году и имела широкий резонанс в научных кругах. В этом отношении обнаружение истоков концепции взаимосвязи капитализма и понятия бесконечного долга в философии Делеза и Гваттари позволяет применить их философию для осмысления современных проблем функционирования капитализма, выраженных в долговом кризисе.

Для понимания того, как формируется концепция капитализма долга у Делеза и Гваттари, необходимо кратко реконструировать концепцию машинных формаций, через которые авторы описывают функционирование процесса производства. В своей изначальной форме производство было связано с формированием и развитием первобытной территориальной машины, которая выполняла функцию кодирования потоков желаемого производства на полном теле земли. Делез и Гваттари, говоря о первой/дикой территориальной машине, имеют в виду первобытные общества и механизм их устройства, связанный с логикой кода как способом формирования каст, племен и любых типов первобытных сообществ. Код базируется на процедуре коннективного синтеза, который создает латеральные союзы и развернутые линии родства, свойственные первобытным обществам. На смену дикой территориальной машине приходит имперская деспотическая машина, которая перекодирует потоки, отменяет прежние типы союзов и каноны наследования, устанавливая свои новые правила. В силу того, что деспотическая машина борется с варварской машиной, она характеризуется как параноическая и безбрачная машина, которая призвана создавать новый тип союзов. При этом деспотическая машина одновременно и сохраняет в себе элементы варварской машины как машины войны, реализующей

⁶ Бодрийер Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000.

⁷ Гребер Д. Указ. соч. С. 213–214.

⁸ Piketty T. Capital in the Twenty-First Century, L.: The Belknap Press of Harvard University Press. 2014. 700 p.

себя в смене империй. Так возникает своеобразная мегамашина, частично наследующая варварскую формацию, но функционирующая как имперская машина государственного управления с деспотом во главе, с разросшимся бюрократическим аппаратом и с начинающим формироваться рабочим классом, где уже прибавочная стоимость является объектом присвоения. В сформировавшейся имперской формации создаются новые экзогенные союзы, при сохранении прошлых форм союзов, при этом меняется способ функционирования денег: если в прежней формации они носили характер «социальных денег» и лежали в основе родства как экономики долга, служили способом установления общественных отношений, то теперь они стали связаны с институтом рабства и системой государственного налогообложения. Действительно, «социальные экономики» рушатся, когда в отношения между людьми вторгается насилие, проявляющееся в том, что человек становится предметом торговли. В этом отношении рынки являются системой воспроизведения насилия и отчуждения между людьми, так как «в большинстве человеческих экономик самые важные виды собственности нельзя купить или продать по той же причине, почему нельзя торговать людьми: это уникальные предметы, вовлеченные в сеть человеческих отношений»⁹. Первобытная машина и «человеческие экономики» осуществлялись за счет виртуальных/кредитных денег (бирок, простых векселей), в то время как в деспотической машине с государственным управлением при введении системы налогообложения налоги должны были уплачиваться металлом. Так государство, банкиры и крупные купцы постепенно вводили новый режим обращения денег, что можно расценить как проявление насилия по отношению к населению¹⁰. Если «социальные экономики» строились на системе доверия и кредитных деньгах, то «денежные экономики» формируются как разрушение установленных систем доверия между людьми и принудительной монетизацией. Важным моментом является то, что при переходе от варварской машины к деспотической происходит трансформация статуса долга, он преобразуется в исчислимую сумму. В этом отношении необходимо отметить, что долг, выплачиваемый гражданами в виде налогов, трактуется как легитимное насилие, осуществляемое государством над обществом. При смене производственных формаций через преобразование понятия долга происходит формирование зачатков капитализма, когда от социального долга, как способа выстраивания человеческих отношений, долг становится калькулируемым и бесконечным: «<...> деньги, денежный оборот, — это способ сделать долг бесконечным»¹¹. В этом отношении долг становится механизмом, при помощи которого поддерживается бесконечный характер капиталистических отношений, так как «капитализм — это система, которая требует постоянного, бесконечного роста»¹². Монетизация долга ведет к тому, что «долг становится *долгом за существование*, долгом за существование самих субъектов»¹³. Так, установление логики исчисления человеческой жизни

⁹ Гребер Д. Указ. соч. С. 214.

¹⁰ Там же. С. 321.

¹¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. С. 312.

¹² Гребер Д. Указ. соч. С. 355.

¹³ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 312.

в денежном эквиваленте является результатом сборки деспотической машины во главе с государством и новыми формами насилия в виде системы налогообложения, что знаменует собой переход от «человеческих экономик» к «денежным экономикам»¹⁴. В терминах Делеза и Гваттари, такая трансформация понимания ценности человеческой жизни произошла за счет процессов детерриторизации, коннективного синтеза и дизъюнктивного синтеза в их одновременности. На смену полного тела Земли в территориальной машине пришло детерриторизованное тело Деспота/Государства, произошел коннективный синтез старых типов союзов с новыми и одновременно осуществился дизъюнктивный синтез, благодаря которому от развернутых линий родства произошел переход к прямым линиям происхождения. Родство как основа «человеческих экономик» осуществлялось посредством «социальных денег» в качестве основы долговых обязательств. «Человеческие экономики» — это такой тип отношений долга, когда «<...> по-настоящему важным считается тот факт, что каждый человек представляет собой уникальное сплетение отношений с другим, а значит, никого нельзя считать точным эквивалентом чего-либо или кого-либо другого. В человеческой экономике деньги не используются для покупки или торговли людьми, а являются средством выражения невозможности этого»¹⁵. При сборке деспотической машины человеческие экономики начинают рушиться, человек буквально вырывается из сложных сетей отношений с другими, которые делали его уникальным, и превращается в нечто, чем можно торговать. Такой институт, как государство, занимается перекодированием закодированных потоков варварской машины, что означает преобразование в отношении старой формации (понятие долга сохраняется), но одновременно и разрыв с ней (долг становится денежным). В основе этих преобразований лежит государственное насилие, которое устанавливает институт долгового рабства как основу общественных отношений. Дизъюнктивный синтез является ключевой операцией, которая выдавливает людей из сетей, сотканных взаимных обязательств, общей истории, коллективной ответственности и создает институт рабства как основу деспотической машины. При этом «рабство с его уникальной способностью вырывать людей из их среды и превращать их в абстрактные понятия играло ключевую роль в возникновении рынков»¹⁶. Делез и Гваттари отмечают, что при сборке деспотической машины касты перекодируются в классы, которым еще предстоит проявить себя в капиталистической формации.

На смену деспотической машине приходит современная имманентная машина капитализма. Одна из важных функций капиталистической машины — это раскодирование потоков, которые порождает деспотическое государство. Раскодирование ведет к тому, что деспот начинает превращаться или в олигарха, или в монарха, или в демократического лидера, и в целом ведет к появлению представителей нового класса капиталистов. Отличительной особенностью появления деспотической машины является интенсивное производство согласно

¹⁴ См.: Гребер Д. Указ. соч., 2015. С. 213.

¹⁵ Там же. С. 213.

¹⁶ Гребер Д. Указ. соч. С. 169.

логике синхронного времени, тогда как капиталистическая машина диахронична, она задает новое шизоидное время и новый креативный срез потока производства. Важной чертой капитализма является то, что он не только совершает операцию раскодирования потоков, но также обобщает их, то есть производит конъюнкцию детерриторизированных потоков. Делез и Гваттари отмечают, что конъюнкция в капиталистической машине является основополагающей операцией, она буквально накладывает все раскодированные потоки на производство, что способствует соединению потока-денег и потока-производства, это соединение носит сингулярный характер, что и обеспечивает универсальную природу капитализма. Капиталистическая машина определяется через формирование промышленного капитала, она собирается в ситуации, когда капитал напрямую начинает присваивать себе производство. Основополагающим моментом сборки капиталистической машины является то, что в ней формируется промышленный способ производства. В капиталистической формации создается всеобщий эквивалент производства в виде денег или капитала, представленного в абстрактных количествах. Делез и Гваттари предлагают формулу происхождения капитала: « $x+dx$ »¹⁷, где x — это капитал, а d — рабочая сила. Эта формула репрезентирует мысль о том, что в капиталистическом обществе рабочая сила подчиняется капиталу. Данная формула символизирует собой превращение прибавочной стоимости *кода*, свойственной деспотической машине, в прибавочную стоимость *потока*, характеризующую машину капитала. Идея состоит в том, что при переходе к промышленной капиталистической формации утрачивается логика господства кода и постоянных территориальностей, что знаменует собой зарождение машины нового типа, а именно машины деспотизма *post-moderna* (после-смерти, посмертный), где новым деспотом оказывается капитал-вампир, высасывающий живую рабочую силу из тела социуса. Как отмечают Делез и Гваттари, промышленный капитал является тем сверхновым явлением, которое и позволяет совершиться сборке капиталистической машины. Деньги в капиталистической формации носят дуальный характер, они аккумулируются и со стороны предприятия, кредитора, и со стороны работника, потребителя. Дуальность денег выражается в одновременности формирования потока платежа и финансирования, что задает двойственность денежной системы обращения. Система денежного обращения функционирует как имманентная потоку капитала, что обеспечивает непрерывность капиталистического процесса через возможность постоянного смещения внутренней границы самовозрастания капитала. Важно отметить, что смещение границы в имманентном самовозрастании капитала становится возможным благодаря кризису, поломке. Делез и Гваттари определяют кризис «как имманентное средство капиталистического производства»¹⁸. В этом смысле капитализм является внешним пределом любого типа общества, притом что сам он функционирует через отодвигание внутреннего предела в виде шизофрении благодаря идее бесконечного долга. На наш взгляд, бесконечный долг формируется на границе внутреннего предела капитализма, который он увеличивает

¹⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 360.

¹⁸ Там же. С. 364.

через воспроизводство капитала. Накопление бесконечного долга формирует-ся через постоянное смещение внутреннего предела капитализма. Авторы определяют данный процесс как ретерриторизацию капитализма. Капитализм — это чистая интенсивность, он создает машины, производит новые срезы потоков, тем самым постоянно революционизирует технические средства производства, что ведет к его самоусовершенствованию.

В связи с разработкой своего собственного категориального аппарата как возможности говорить о капитализме по-новому, Делез и Гваттари пытаются помыслить и прибавочную стоимость в новом ключе. В их концепции прибавочная стоимость определяется через машинную прибавочную стоимость постоянного капитала, также произведенную людьми прибавочную стоимость переменного капитала и совокупности прибавочной стоимости потока. При этом совокупность прибавочной стоимости потока выражает не разницу, а *несоизмеримость* стоимости рабочей силы и стоимости, созданной рабочей силой, которые имманентны друг другу. Так в капиталистической машине одновременно функционируют два потока денег: один, который воплощает действительную экономическую силу, это детерриторизированный поток, создающий тело капитала, другой поток — это покупательная способность, которая определяется как доход. Именно первый поток — это и есть поток бесконечного долга, зародившийся в деспотической машине и получивший развитие в капиталистической машине. Делез и Гваттари определяют его так: « <...> поток бесконечного долга — мгновенный творящий поток, который спонтанно создается банками в качестве долга по отношению к ним самим, как творение *ex nihilo**, которое, вместо того чтобы передать ранее уже данные деньги как платежное средство, выбирает на одной конечности полного тела негативные деньги (деньги, записанные в пассиве банков) и проецирует на другую конечность позитивные деньги (кредитование производящей экономики банками), “поток с мутирующей силой”, который не входит в доход и не предназначен для покупок, чистое наличие, не-обладание и не-богатство»¹⁹.

В философии Делеза и Гваттари мы находим довольно глубокую проработку проблематики долга в связи с зарождением и развитием капитализма. Ключевым моментом концепции мыслителей является представление о том, что монетизация долга послужила источником зарождения капитализма в связи с развитием института рабства, государственной системой налогообложения и рынков²⁰, которые интерпретируются как инстанции легитимации насилия государства и банковской системы по отношению к населению. Концепция Делеза и Гваттари рассматривается как одна из важных для формирования альтернативной теории зарождения капитализма в рамках структуралистской и постструктуралистской традиции в противовес общепринятому представлению английской школы и ее последователей о развитии капитализма из ситуации обмена (А. Смит, Д. Рикардо).

¹⁹ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 375

²⁰ Подобное толкование истоков капитализма представлено в концепциях следующих авторов: У. Джонсон, К.-С. Уайлдер, К. Померанц, М. ван дер Линден, Ч. Майер. URL: <http://gefeter.ru/archive/14328> (дата обращения: 12.10.15).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. Москва : Добросвет, 2000.
2. *Гребер Д.* Долг: первые 5000 лет в истории. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015.
3. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
4. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. Москва : Эксмо-пресс, 2001.
5. *Мосс М.* Очерк о даре. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с фр., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана. Москва : Восточная литература РАН, 1996.
6. *Наумова Е. И.* Гребер и списание долгов, интернет-издание Рабкор.ру. URL: <https://avtonom.org/pages/recenziya-ekateriny-naumovoу-na-knigu-devida-grebera-debt-first-5000-years> (дата обращения: 05.10.2015).
7. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014.